

ОРИЕНТАЛИЗИРУЮЩИЙ СТИЛЬ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В ВОСТОЧНОИОНИЙСКОЙ ГРЕЦИИ

(К вопросу о влиянии Востока на искусство
раннеархаической Греции)

Время существования ориентализирующего стиля в греческом искусстве — вторая половина VIII — первая половина VI в. до н. э. — чрезвычайно важный этап развития Греции, одна из тех решающих, переломных эпох, когда во всех отраслях социальной и культурной жизни наступает решительный переход к качественно новым формам. Бурно развиваются торговля, ремесла, возникают настоящие политические и культурные связи Греции с другими странами, и прежде всего — с восточными. В этот период греки как бы заново открывают для себя полный таинственных чудес красочный мир Востока. Восточные расшитые ткани, изделия из слоновой кости и металла, разнообразие красок и сюжетов, легенды и мифы — все это явилось своеобразным контрастом сдержанному, суховатому, аскетичному [в своей основе искусству Гомеровской Греции]. Начинается стремительный процесс освоения этого богатства, влекущий за собой изменение вкусов, переоценку эстетических норм, свойственных искусству предыдущей эпохи. Разумеется, было бы слишком прямолинейным объяснить возникновение ориентализирующего стиля в греческом искусстве только воздействием Востока. И в самой Греции к этому времени, естественно, намечаются уже вполне определенные тенденции к отходу от старых традиций. В самом греческом обществе, культуре, несомненно, должны были возникнуть предпосылки, подготовившие почву для восприятия восточных влияний. Не случайно некоторые исследователи, как, например, Э. Пфюль, Э. Кунце, Х. Вальтер¹, принимают термин «ориентализирующий» как в значительной степени условный. Ориентализирующий стиль — это понятие, за которым скрывается сложнейшая картина переплетения самых разнообразных художественных элементов, процесс строжайшего отбора наиболее значительных прогрессивных традиций из культур предшествующих эпох и слияния их с новыми заимствованными извне элементами. И все же проблема взаимодействия греческого искусства с искусством Востока остается основной в изучении особенностей формирования и развития ориентализирующего стиля². Эти вопросы уже не раз поднимались в самых разнообразных работах, но накапливающиеся данные заставляют возвращаться к ним вновь и вновь.

В ходе исследования проблемы взаимодействия культуры Востока и Запада ученые приходят от однозначных решений ко все более усложненной картине. Если вначале в качестве источника восточного влияния предполагался один или два партнера, как, например, Лидия и Фригия у Д. Хогарта или Финикия у Ф. Поульсена³, то позднейшие исследования⁴, и особенно работы послевоенных лет⁵, заставляют прийти к выводу, что воздействие восточной культуры нельзя свести к какому-то одному течению, рассматривать как единовременный процесс. Оно складывалось из культурных традиций разных стран, которые часто перемежались между собой, передавались

¹ E. P f u h l, *Malerei und Zeichnung der Griechen*, I, München, 1923, стр. 96, 135; E. K u n z e, *Kretische Bronzereliefs*, Stuttgart, 1931, стр. 260; H. W a l t e r, *Frühe samische Gefäße, Samos V*, Bonn, 1968, стр. 47; ср. B. S c h w e i t z e r, *Die geometrische Kunst Griechenlands*, Köln, 1969, стр. 55; Б. П. В и п е р, *Искусство древней Греции*, М., 1972, стр. 122, прим. 35.

² E. A k u r g a l, *Orient und Okzident*, Baden-Baden, 1966, стр. 161, 169.

³ Д. Г. Х о г а р т, *Иония и Восток*, СПб., 1914, стр. 39, 61; F. P o u l s e n, *Die Orient und die frühgriechische Kunst*, Lpz — В., 1912, стр. 93.

⁴ K u n z e, *ук. соч.*, стр. 260; G. K a r o, *Orient und archaische Zeit*, AM, 45, 1920, стр. 106.

⁵ T. J. D u n b a b i n, *The Greeks and Their Eastern Neighbours*, L., 1957, стр. 25; M. A. H a n f m a n n, *Ionia, Leader or Follower*, «Harvard Studies in Cl. Phil.», LXI, 1953, стр. 16; A k u r g a l, *ук. соч.*, стр. 61; R. D. B a r n e t t, *Ancient Oriental Influences on Archaic Greece. The Aegean and Near East*, N. Y., 1956, стр. 216.

не непосредственно, а как бы уже отраженными в искусстве других народов. Источники восточных традиций менялись в зависимости от различных экономических и политических обстоятельств.

В VIII — первой половине VII в. до н. э. значительное воздействие на культуру древней Греции оказывает древнехеттское искусство, естественно, не посредством прямых контактов греков с хеттами, а через посредничество Северной Сирии, Южной Анатолии, Фригии. Ведь именно на этой территории в IX—VIII вв. до н. э. уже после падения древнехеттского царства продолжают работать мастерские, унаследовавшие древнехеттские традиции. Воздействие хетто-сирийской, так называемой позднехеттской, культуры сказывается очень сильно в росписях протокоринфских, протоаттических, кикладских мастеров VIII — начала VII в. до н. э. Многие типы животных, орнаментальные мотивы росписей были заимствованы так или иначе из хеттского искусства⁶.

С первой половины VIII в. до н. э. важным источником восточного влияния становится Урарту. Урарту в этот период захватывает Северную Сирию и выходит к Средиземному морю⁷. Основные торговые пути попадают в руки урартцев и благодаря этому урартские изделия широко распространяются в Греции⁸.

К концу VIII в. до н. э., когда Ассирия значительно ослабляет Урарту и отрезает его от Средиземного моря, когда ее власть распространяется на Сирию, Киликию, Палестину и Кипр, это сразу сказывается на характере импорта. В первой половине VII в. до н. э. ассирийское влияние постепенно вытесняет традиции хеттского искусства. Мастерские Северной Сирии, Урарту уже в конце VIII в. испытывают сильнейшее воздействие ассирийского искусства⁹. И хотя изделия этих областей еще продолжают поступать в Грецию, они также являются своеобразными проводниками ассирийского влияния. Эти изменения нашли отражение прежде всего в греческой вазописи. К середине VII в. до н. э. в коринфской, аттической, островной и восточногреческой керамике появляется много ассирийских орнаментальных мотивов; стилизованные типы животных, подражающие ассирийским образцам, заменяют хеттские¹⁰.

Одним из источников восточного влияния была Финикия. Со времени выхода в свет работы Г. Поульсена в трудах отдельных ученых значение ее для греческого искусства сильно преувеличивалось¹¹. Позднейшие исследования показали, что Финикия, по-видимому, оказывала на него значительно меньшее воздействие, чем хеттское или ассирийское искусство, однако полностью отрицать его, конечно, нельзя. В Греции найдено довольно большое количество привозных финикийских вещей. Один из самых древних привозных восточных предметов — финикийское бронзовое блюдо — обнаружен в афинском Керамике в могиле IX в. до н. э. Много финикийских предметов (изделия из слоновой кости, украшения из бронзы) найдено в Олимпии, в Дельфах, на Делосе, в Самосском Герайоне. Финикийскими можно считать также некоторые из

⁶ R. D. Barnett, *Early Greek and Oriental Ivories*, JHS, 68, 1948, стр. 24; J. Boardman, *The Greek Overseas*, Penguin Books, 1964, стр. 60; E. Akurgal, *Die Kunst der Hettiter*, München, 1961, стр. 90; он же, *Orient und Okzident*, стр. 62, 161; С. Kardara, *Ροιτική ἀρχαιολογία, ἐν Ἀθήναις*, 1963, стр. 43.

⁷ Б. Б. Пиотровский, *Искусство Урарту*, Л., 1962, стр. 31; С. М. Бацнева, *Борьба между Ассирией и Урарту за Сирию*, ВДИ, 1953, № 2, стр. 17; Barnett, *Ancient Oriental Influences...*, стр. 229.

⁸ P. Amandry, *Objets orientaux en Grèce et en Italie, aux VIII et VII siècles*, «Syria», XXXV, 2, 1968, стр. 73, табл. V—VIII.

⁹ Пиотровский, *ук. соч.*, стр. 118; Akurgal, *Die Kunst der Hettiter*, стр. 97; он же, *Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander*, B., 1961 (далее — Akurgal, KA), стр. 66; A. Godard, *Le trésor de Ziwe, Haarlem*, 1950, рис. 66, 68, 72—81; Dunbabin, *ук. соч.*, стр. 47; Бацнева, *ук. соч.*, стр. 21.

¹⁰ Н. Рауне, *Necrocorinthies*, Oxf., 1931, стр. 53, 69; Dunbabin, *ук. соч.*, стр. 48; Barnett, *Ancient Oriental Influences...*, стр. 230; С. П. Борисковская, *К вопросу об ориентализирующем стиле в искусстве архаического Коринфа*, ВДИ, 1968, № 3, стр. 114.

¹¹ Poulsen, *ук. соч.*, стр. 93; Dunbabin, *ук. соч.*, стр. 35; К. М. Кошбובה, *Из истории раннегреческого общества (о. Родос)*, Л., 1951, стр. 73.

критских бронз¹². И все же, как подчеркивает Т. Данбэбин, сирийский и ассирийский импорт преобладал над финикийским¹³. Финикийское искусство важно для Греции не столько само по себе, сколько как промежуточное звено в передаче традиций других восточных государств. Еще Поульсен отмечал несамостоятельный, эклектичный характер финикийского искусства, в нем можно найти и египетские, и древнехеттские мотивы, черты микенского искусства¹⁴. И многие элементы египетского искусства, несомненно, были заимствованы греками именно при посредничестве финикийцев. Но все же еще раз следует подчеркнуть, что Финикия играла далеко не главную роль во взаимоотношениях Греции с Востоком.

В последнее время многие исследователи вполне справедливо, по нашему мнению, начинают выдвигать на одно из первых мест влияние на греческое искусство искусства государств, расположенных на территории древнего Ирана. Вопрос этот находится в начальной стадии разработки. Однако те сопоставления, которые проводят в своих работах Р. Барнетт, Р. Гиршман, П. Амандри¹⁵, кажутся нам весьма убедительными.

И наконец, как бы ни сильны были расхождения во мнениях отдельных исследователей (дискуссия, к которой мы еще вернемся в ходе нашего исследования), одним из важнейших источников восточного влияния, в особенности для восточноионийских областей, совершенно очевидно, были Фригия и Лидия¹⁶.

Знакомство с восточным искусством проходило по-разному. Этому способствовал и оживленный торговый обмен, и политические связи, и непосредственные контакты между восточными и греческими мастерами. Со времени возникновения интереса к восточному искусству и роста спроса на восточные изделия в Грецию нередко переселяются и сами восточные мастера, работавшие в бронзе, по слоновой кости, ткачи и ювелиры. Они создавали здесь свои мастерские и целые школы учеников¹⁷.

Пути распространения восточного влияния — один из центральных вопросов в проблеме формирования ориентализирующего стиля. В работах ученых конца XIX — начала XX в. ведущую роль в этом отношении приписывали малоазийским грекам, восточноионийским центрам. При этом решающее значение придавали факту их непосредственного соседства с восточными государствами. Хогарт считал, что Иония была тем каналом, по которому распространялось восточное влияние, что именно она была связующим звеном между культурами Востока и Запада¹⁸. А. Фуртвенглер полагал, что коренной перелом в культуре Греции на рубеже геометрической и архаической эпох наступил только благодаря Ионии, где раньше, чем в других областях Греции, произошли эти коренные изменения, в значительной степени вследствие их прямой связи с восточным искусством¹⁹. Представление о том, что восточноионийская Греция занимала лидирующее положение, подкреплялось как будто и великолепными памятниками искусства, открытыми при раскопках архаических слоев храма Артемиды Эфесской, при раскопках Милета, а также литературными памятниками²⁰. Впечатление лидерства ионийцев еще более усиливалось тем обстоятельством, что в те годы сильно завышались датировки многих произведений искусства, в частности восточногреческой керамики²¹. Представление о том, что в ориентализирующий период Иония

¹² Sch weitzer, ук. соч., стр. 19, рис. 4; Dunbabin, ук. соч., стр. 49.

¹³ Там же, стр. 35—37.

¹⁴ Poulsen, ук. соч., стр. 2—5; Akgal, Orient und Okzident, стр. 144.

¹⁵ Barnett, Ancient Oriental Influences..., стр. 229—234; P. Amandry, Modèles orientaux des vases Rhodiens. IXe Congrès international d'archéologie classique. Damas, 1969, стр. 6; R. Ghirshman, Perse, P., 1963, стр. 331.

¹⁶ Barnett, JHS, 68, 1948, стр. 24; Boardman, ук. соч., стр. 81; O. W. Muscarella, Near-Eastern Bronzes in the West. Art and Technology, N. Y., 1970, стр. 122.

¹⁷ Barnett, JHS, 68, 1948, стр. 16; Dunbabin, ук. соч., стр. 49; Boardman, ук. соч., стр. 37.

¹⁸ Хогарт, ук. соч., стр. 39, 61.

¹⁹ A. Furtwängler, Die antike Gemmen, III. B., 1900, стр. 69.

²⁰ D. G. Hogart, Excavations at Ephesus. The Archaic Artemisia, L., 1908.

²¹ Хогарт, ук. соч., стр. 49; R. Cook, Ionia and Greece in the eighth and seventh Centuries B. C., JHS, 66, 1946, стр. 76.

играет ведущую роль в греческом искусстве и до сих пор встречается в некоторых солидных трудах по истории искусства. Так, например, Г. Рихтер в книге, посвященной греческой и этрусской глиптике²² пишет, что именно малоазийские ионийцы были пионерами в освоении ориентализирующего стиля. Между тем еще в 30-е годы Х. Пейн в своем исследовании, посвященном коринфской керамике, отметил, что черты ориентализирующего стиля начинают появляться значительно раньше в искусстве Материковой Греции, чем в Ионии²³. Внимательное сопоставление памятников материкового и восточноионийского искусства рубежа VIII—VII вв. до н. э. заставляет прийти к выводу, что ионийские мастера значительно отставали от материковых. Несмотря на то что восточноионийские центры, казалось бы, находились в непосредственном соседстве с восточными государствами, сюжеты, характерные для ориентализирующего стиля — львы, грифоны, сфинксы, а особенно освоение изображения человеческой фигуры в вазовой живописи и скульптуре, — впервые были разработаны мастерами Коринфа и Аттики. Многие мотивы, имеющие явно восточное происхождение, мы находим в росписях позднегеометрических аттических сосудов: фантастические животные, сфинксы, грифоны, геральдические композиции, священное дерево, сцены терзания²⁴. Влияние Востока на искусство Материковой Греции в полной мере ощущается уже во второй половине VIII в. до н. э. В Ионии же и на Родосе переход от субгеометрического к ориентализирующему стилю намечается только ко второй четверти VII в. до н. э. Таким образом, очевидно, что восточные влияния попадают на этом раннем этапе в Материковую Грецию не через малоазийских греков, а какими-то иными путями.

По мнению Кунце и Пейна, восточные влияния первоначально распространялись на Островную и Материковую Грецию по южному, морскому пути, который, начинаясь от юго-западного побережья Малой Азии, финикийского побережья, шел через Кипр и Крит на Пелопоннес и в Аттику²⁵. Археологические исследования Аль-Мины — греческого торгового порта, расположенного на территории Северной Сирии, в устье реки Оронта, предпринятые в 30-е годы XX в., во многом подтверждают это предположение²⁶. Аль-Мина, освоенная греческими купцами еще в VIII в. до н. э., сыграла в свое время очень важную роль как транзитный торговый пункт, к которому подвезли основные торговые пути из внутренних областей Анатолии и Северной Сирии. Кроме Аль-Мины на сиро-финикийском побережье, очевидно, существовал еще ряд торговых пунктов, где в это время обосновались греки. Один из них, Тель Сукас, был исследован сравнительно недавно и дал чрезвычайно интересные и разнообразные материалы²⁷. Результаты раскопок в Аль-Мине и других поселениях подобного типа показывают, что в этом районе Средиземноморья начиная с VIII в. до н. э. действительно существовал очень оживленный торговый обмен.

Основными предметами ввоза служили сырье и полезные ископаемые, особенно медь и железо, в которых Греция нуждалась для укрепления своей военной мощи. Кроме того, возможно, ввозился строевой лес для постройки кораблей, которого не хватало особенно в Островной Греции, на Кикладах. С сиро-финикийского побережья в этот ранний период, возможно, поставлялось также и оливковое масло, лен, шапирры. Отсюда же наряду с товарами первой необходимости на острова Эгейского моря и в Материковую Грецию начинают поступать предметы роскоши и восточные художествен-

²² G. M. Richter, *Engraved Gems of the Greeks and the Etruscans*, L., 1968, стр. 31.

²³ Payne, *ук. соч.*, стр. 67.

²⁴ Dunbabin, *ук. соч.*, стр. 22, 44; Akurgal, *Early Period and Golden Age of Ionia*, AJA, 66, 1962 (далее — Akurgal, EP), стр. 372; он же, *Orient und Okzident*, стр. 170—173, рис. 48, 49.

²⁵ Kunze, *ук. соч.*, стр. 261; Payne, *ук. соч.*, стр. 53.

²⁶ L. Woolley, JHS, LVIII, 1938, стр. 1, 133; S. Smith, *The Greek Trade at Al Mina*, «Antiquaries Journal», 22, 1942, стр. 99; M. Robertson, *The Excavations at Al Mina*, JHS, 60, 1940, стр. 2; Akurgal, *Orient und Okzident*, стр. 196.

²⁷ Boardman, *ук. соч.*, стр. 68; Smith, *ук. соч.*, стр. 102; P. J. Riis, Sûkas, I, Kjøbenhavn, 1970, стр. 10, 142, рис. 46.

ные изделия: из слоновой кости, бронзы, роскошные расшитые ткани²⁸. Северосирийские и финикийские изделия, очевидно, не распространялись только в одном направлении. От сиро-финикийского побережья торговые пути вели также через Родос и Крит к Самосу, а затем к Спарте и Афинам. Ранние связи Самоса с Востоком, с одной стороны, и с Материковой Грецией, с другой, подтверждаются археологическими находками. В Самосском Герайоне найдено много хетто-сирийских костяных изделий, сирийские, урартские, ассирийские, луристанские изделия из бронзы; и здесь же обнаружено много протокоринфской, лаконской керамики²⁹. И хотя совершенно очевидно, что восточные предметы попадали на Самос не только через Аль-Мину (на этом мы остановимся подробнее несколько ниже), она, видимо, служила все же одним из важнейших распределительных пунктов восточного импорта, шедшего и по южному морскому пути. Некоторые исследователи считают, что через Аль-Мину с Востоком были связаны не только центры Материковой Греции, но и малоазийского побережья. Е. Акургал, например, утверждает, что в первой половине VII в. до н. э. восточногреческие города вступали в прямой контакт с Востоком через Аль-Мину и не нуждались в посредничестве Фригии и Лидии³⁰. И хотя с последним выводом можно спорить, не может быть никакого сомнения в том, что в конце VIII — первой половине VII в. до н. э. основной поток восточной информации поступал в Грецию не через Ионию, но из Киликии и Северной Сирии по южному морскому пути.

Сопоставление развития Восточной и Материковой Греции в области социального устройства, экономики и культуры, проведенное в ряде работ Р. Кука, Е. Акургала, М. Ханфман, К. Ребака, показывает, что в конце VIII — первой половине VII в. до н. э. Восточная Иония отнюдь не занимала того лидирующего положения, которое ей приписывалось ранее³¹. Так называемый «золотой век» ионийской культуры наступает несколько позже: во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э.³², когда наблюдается резкий экономический подъем ионийских центров и подлинный расцвет всех видов искусства. Именно тогда окончательно складывается и развивается ориентализирующий стиль в искусстве Восточной Ионии.

Такой ход развития очень хорошо подтверждается и иллюстрируется как историческими, так и археологическими источниками. Однако в дальнейших выводах вышеназванных авторов есть, на наш взгляд, известная доля преувеличения. По мнению этих исследователей, Иония была той последней отдаленной областью, куда доходили уже только отголоски восточных традиций, в значительной степени переработанные мастерами Материковой Греции. Акургал, например, вслед за Данбэбином полагает, что восточные греки не соприкасались с культурой Ближнего Востока непосредственно и все восточные традиции воспринимали как бы через призму материкового искусства. В одной из важнейших статей по этому поводу он пишет: «В области искусства на протяжении всего VII в. до н. э. Восточная Греция зависела от Материковой. Таким образом, восточные греки восприняли восточное влияние от своих западных метрополий»³³.

Несомненное воздействие материкового искусства на искусство восточноионийских центров в первой половине VII в. до н. э. отрицать нельзя. Это хорошо видно хотя

²⁸ D u n b a b i n, ук. соч., стр. 27; B a r n e t t, *Ancient Oriental Influences...*, стр. 228; R i i s, ук. соч., стр. 164—172; B o a r d m a n, ук. соч., стр. 66, 81.

²⁹ U. J a n t z e n, *Ägyptische und orientalische Bronzen aus Heraion auf Samos, «Samos», VIII, Bonn, 1972; Barnett, JHS, 68, 1948, стр. 24; H. W a l t e r, Korinthische Keramik, AM, 74, 1959, стр. 57; E. D i e h l, Fragmente aus Samos, JdI, 79, 1964, Ht 3, стр. 562, 574; B o a r d m a n, ук. соч., стр. 82.*

³⁰ A k u r g a l, КА, стр. 178; он же, *Orient und Okzident*, стр. 202; ср. D u n b a b i n, ук. соч., стр. 62.

³¹ R. C o o k, ук. соч., стр. 69, 93; H a n f m a n n, ук. соч., стр. 19; C. R o e b u c k, *Ionian Trade and Colonization*, N. Y., 1959, стр. 42.

³² A k u r g a l, EP, стр. 375; он же, КА, стр. 210—213; J. C o o k, *Greeks in Ionia and the East*, N. Y., 1963, стр. 103—106.

³³ E. A k u r g a l, *Bayrakli, Ankara, 1951, стр. 83; он же, EP, стр. 372; он же, Orient und Okzident, стр. 202.*

бы при сопоставлении росписей родосско-ионийских ваз раннеориентализирующего стиля с аттическими и коринфскими³⁴. Но так же точно невозможно не заметить той значительной стилистической и типологической разницы в изображении фризов животных и отдельных композиционных групп на родосско-ионийских сосудах развитого ориентализирующего стиля второй половины VII в. до н. э. и, к примеру, коринфских сосудов того же времени³⁵. И это различие вряд ли можно объяснить только самобытностью художественной манеры ионийских мастеров. Очевидно, здесь немаловажную роль играло различие источников влияний, как совершенно справедливо полагает О. В. Мускарелла³⁶, а также возможность непосредственного воздействия восточной культуры на искусство малоазийских греков. Мы не можем согласиться с мнением, что оно вовсе отсутствовало или было незначительным. Ведь предметы восточного импорта появляются в восточнотрехеских городах в общем-то столь же рано, как и в Материковой Греции, — уже во второй половине VIII в. до н. э. В Эфесе, Милете, Смирне, на Самосе, Родосе обнаружены сирийские бронзы и изделия из слоновой кости, украшения конской сбруи и доспехи финикийских мастеров, урартские, фригийские изделия. На Самосе найдены вазы, происходящие из Луристана³⁷. Совершенно ясно, что часть этих изделий попала в ионийские центры не кружным морским путем, а путем непосредственных торговых сношений с восточными соседями.

Очевидно, наиболее значительную роль здесь играли ближайшие соседи — Фригия и Лидия. А. Бен, например, считал, что ионийцы могли воспринимать восточное влияние не из вторых рук — Египта, Ассирии или Финикии, — но непосредственно через культуру Анатолии³⁸. Контакты между Фригией и ионийскими малоазийскими центрами устанавливаются не позднее второй половины VIII в. до н. э. Об этом свидетельствуют прежде всего находки большого числа металлических фригийских изделий: котлов, фибул, деталей конской упряжи — в Герайоне Самоса, на Хиосе, в Эфесе, Смирне, Митилене, находки фригийских изделий из слоновой кости³⁹. Из греческих источников также известно, что фригийцы были связаны с греками политическими и дружественными отношениями. Фригийский царь Мидас был женат на дочери царя греческого малоазийского города Кумы. Примерно около 700 г. до н. э. Мидас пожертвовал в Дельфы роскошный трон, сделанный из золота и слоновой кости. Известно также, что при фригийском дворе были люди, которые знали греческий язык⁴⁰. Период от 725 до 675 г. до н. э. — время наивысшего расцвета Фригии, что наглядно доказывают и роскоши столицы Фригии Гордиона. О богатстве и роскоши столицы свидетельствуют остатки зданий и гробницы⁴¹. Не исключено, что со временем Фригия представила бы серьезную опасность для греческих малоазийских городов. Однако ее развитие было приостановлено сначала набегами ассирийцев в конце VIII в. до н. э., а затем нашествием племен киммерийцев. Вторгнувшись на территорию Фригии в начале VII в. до н. э., они захватили Гордион и разрушили его. Киммерийцы продолжали свои набеги во второй и даже третьей четверти VII в. до н. э. В их руки попали и неко-

³⁴ K a r d a g a, ук. соч., стр. 38—52, рис. 6, 7, 13, 24, 31.

³⁵ Н. Р а у н е, *Protokorinthische Vasenmalerei*, В., 1933, стр. 17, табл. 32; Н а п f m a n n, ук. соч., стр. 16.

³⁶ О. W. M u s c a r e l l a, *A Bronze Vase from Iran and Its Greek Connection*, «Metropolitan Museum Journal», 5, 1972, стр. 46.

³⁷ Н. V. H e r r m a n n, *Urartu und Griechenland*, JdI, 81, 1966, стр. 135—140; J a n t z e n, ук. соч., стр. 55, 74; C. W e i c k e r t, *Ist. Mitt.*, 7, 1957, стр. 120, 129—130, табл. 40, 1; В. F r e y - S c h a u e n b u r g, *Elfenbeine aus dem Samischen Heraion*, Hamburg, 1966, стр. 69; B a r n e t t, *JHS*, 68, 1948, стр. 3; В o a r d m a n, ук. соч., стр. 83, 89; D u n b a b i n, ук. соч., стр. 35.

³⁸ А. R. В u r n, *The World of Hesiod (A Study of the Greek Middle Ages c. 900—700 B. C.)*, L., 1936, стр. 155.

³⁹ J. M. B i r m i n g h a m, *The Overland Route across Anatolia in the eighth and seventh centuries B. C.*, «Anatolian Studies», XI, 1961, стр. 186; J a n t z e n, ук. соч., стр. 48.

⁴⁰ С o o k, ук. соч., стр. 49; K. B i t t e l, *Kleinasiatische Studien*, *Ist. Mitt.*, V, 1942, стр. 82; S. L l o y d, *Early Highland Peoples of Anatolia*, L., 1967, стр. 124.

⁴¹ Н. B o s s e r t, *Altanatolien*, В., 1942, стр. 80; B a r n e t t, *JHS*, 68, 1948, стр. 7; С o o k, ук. соч., стр. 48; G. und A. K o r t e, *Gordion*, В., 1904, стр. 36.

торые греческие города⁴². Урон, нанесенный Фригии киммерийским нашествием, был настолько тяжел, что она никогда не могла уже достичь былого величия и с этого момента теряет свое ведущее положение в Малой Азии. Ее роль переходит к Лидийскому царству. После падения Фригии это государство в течение почти 100 лет было основным соперником и политическим партнером греческих городов западного побережья Малой Азии. Расцвет Лидийского царства начинается со времени правления Гига (680—662 гг. до н. э.), представителя династии Мермнадов, пришедшей на смену династии Гераклидов⁴³. При Гиге были открыты большие запасы золота, начинается чеканка монет. Это известно нам из рассказа Архилоха, современника Гига. Слава о Лидии широко распространяется в Греции. Архилох не раз упоминает о Гиге, Сафо восхваляет красоту лидийских украшений⁴⁴.

Лидийцы пытаются создать могучее, централизованное государство. Чтобы укрепить свои границы, они стараются всячески ограничить власть греческих городов на западе. Они совершают постоянные налеты на греческие города. Мы знаем, что Гиг предпринял ряд военных походов на Милет, Смирну, взял Нижний Колофон. Ардис (651—625 гг. до н. э.) покорил Приену и ходил войной на Милет. Поэт Каллин, живший в Эфесе в первой половине VII в. до н. э., призывает своих соотечественников готовиться к защите города от врага, — видимо, имеется в виду как раз угроза со стороны Лидийского царства⁴⁵. Положение особенно обостряется в период правления лидийского царя Алиатты (609—560 гг. до н. э.). Из красочного рассказа Геродота известно, что в конце VII в. до н. э. Милету пришлось выдержать длительную борьбу с Лидией. Война эта, изнурительная и тяжелая, продолжалась 11 лет. Около 600 г. до н. э. войска Алиатты разрушили и сожгли один из самых крупных ионийских городов — Смирну, цветущий город, который уже во второй половине VII в. до н. э. имел правильную планировку, великолепно отделанные храмы. Лишь через 30 лет греки рискнули вновь поселиться на этом месте⁴⁶. После разрушения Смирны войска Алиатты направились к Клазоменам, но здесь были остановлены. Наследовавший Алиатте Крез (560—546/5 гг. до н. э.) подчинил себе почти все ионийские города Малой Азии, за исключением Милета. Крезу удалось захватить и разрушить даже такой сильный город как Эфес⁴⁷.

Этот краткий исторический обзор показывает только одну сторону взаимоотношений малоазийских центров с Фригией и Лидией. Совершенно очевидно, что их отношения не ограничивались только военными стычками или спорадическими дипломатическими визитами. Значительно большее значение для обеих сторон имели, видимо, экономические и культурные контакты, несомненно между ними существовавшие.

Как уже было отмечено, в современной литературе существуют весьма противоречивые мнения относительно значения и роли экономических и в особенности культурных контактов между Фригией и Лидией, с одной стороны, и восточноионийскими центрами, — с другой. Так, например, Данбэбин, не отрицая полностью возможности заимствования греками каких-то отдельных элементов фригийской и лидийской культур, считал все же, что к тому времени, когда греки вступили в непосредственные контакты с этими двумя культурами, большее воздействие оказывала греческая культура⁴⁸.

⁴² Herod., I, 58; Dunbabin, ук. соч., стр. 68; Cook, ук. соч., стр. 50; G. L. Huxley, The Early Ionians, L., 1966, стр. 54.

⁴³ Bossert, ук. соч., стр. 23—25; M. A. Hahnemann, Archaeology in Homic Asia Minor, AJA, LII, 1948, стр. 152; В. В. Струве, Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, ВДИ, 1952, № 2, стр. 62—67.

⁴⁴ M. A. Hahnemann, Sardis und Lydien, «Sitzber. Akad. d. Wissenschaften und Literatur», Mainz, 1960, стр. 515—518; Akurgal, EP, стр. 376; Archil., fr. 22, Diehl; Sappho, fr. 17, Hiller.

⁴⁵ Herod., I, 15, 16; В. Н. Ярхо, К. П. Полонская, Античная лирика, М., 1967, стр. 24; Akurgal, KA, стр. 175.

⁴⁶ Струве, Хронология VI в. до н. э. в труде Геродота, стр. 60; Herod., I, 18; Akurgal, EP, стр. 374; он же, Bayrakli, стр. 65.

⁴⁷ Herod., I, 26, 2; Aelian, Var. hist. III, 26; Huxley, ук. соч., стр. 109; Hahnemann, Sardis und Lydien, стр. 517.

⁴⁸ Dunbabin, ук. соч., стр. 65.

Акургал в ряде своих работ старается доказать, что фригийская и лидийская культуры в значительной степени находились под влиянием материкового греческого искусства и не могли оказывать серьезного воздействия не только на искусство Материковой Греции, но и на искусство ионийских городов малоазиатского побережья⁴⁹. Им противопоставляют свою точку зрения Барнетт, Бордман, Янг, Мускарелла и ряд других исследователей⁵⁰, в работах которых на самых разнообразных примерах показано, что именно эти две страны сыграли немаловажную роль в формировании культуры не только малоазиатской, но и Материковой Греции в раннеархаический период. Янг, например, считает, что значение культуры Фригии и Лидии очень сильно преуменьшено. Занижена роль и восточного наследия в их культуре. Он показывает, что в VIII в. до н. э. они ориентировались больше на Восток, чем на Запад, и что в середине VIII в. до н. э. Фригия была во многих отношениях впереди Греции, и греческие мастера многому научились у фригийских⁵¹. По-видимому, благодаря тесным связям малоазиатских греков с этими государствами в их культурах и эпосе нашли такое большое отражение древневосточные, и прежде всего древнехеттские традиции. В основе популярных в Малой Азии мифов об амазонках, Персее, Данае, Семеле, Тантале, Ниобидах лежит восточный эпос, древнеанатолийские предания⁵². Много негреческих черт можно видеть в культе Артемиды Эфесской. В закладе ее храма найдено золотое украшение в виде пчелы. Пчела изображалась и на монетах Эфеса. Ассоциация богини с пчелой, особенности религиозной церемонии и религиозного уклада святилища, Артемиды Эфесской в целом — все это восходит к хеттской религиозной традиции, которая в данном случае, несомненно, была воспринята посредством фригийской и лидийской культуры⁵³. В число вещей, посвященных в храм Артемиды Эфесской лидийским царем Гигом, была включена фигурка ястреба. Изображение ястреба являлось эмблемой лидийской царской династии Мермнадов. И в то же время ястреб считался сакральной птицей богини Кибелы, которая почиталась у хеттов, а позднее в Лидии⁵⁴.

О том, насколько тесно соприкасались ионийские города с фригийской и лидийской культурой, свидетельствуют отрывки из произведений эфесского поэта Гипшонакта, жившего во времена Креза. Лидийского бога Кандавла он отождествляет с греческим Гермесом. Он детально описывает страву и дорогу, которая вела от Сард к берегу, описывает лидийские памятники, встречающиеся на пути. Он хорошо знает и фригийцев. Гипшонакт упоминает о фригийской богине Субеба, употребляя фригийское слово для обозначения хлеба, описывает фригийских рабов, которых передают для работы на мельницах Милета⁵⁵.

Как мы уже не раз упоминали, в Греции были широко распространены фригийские изделия. Большой популярностью у греков пользовались фригийские ткани, изделия из кости и бронзы. Характерное украшение в виде ротелей, которое с середины VII в. до н. э. появляется почти одновременно на коринфских и родосско-ионийских сосудах, несомненно было заимствовано из фригийской торевтики⁵⁶. Восточноионий,

⁴⁹ A k u r g a l, KA, стр. 75, 175; он же, Die Kunst der Hettiter, стр. 90; он же, EP, стр. 372.

⁵⁰ B a r n e t t, JHS, 68, 1948, стр. 9, 18; B o a r d m a n, ук. соч., стр. 81; R. Y o u n g, AJA, 64, 1960, стр. 387; M u s c a r e l l a, A Bronze Vase..., стр. 46.

⁵¹ Археологические исследования этих районов показывают, что древневосточные, в частности древнехеттские, элементы были заложены не только в их религии и эпосе, но и в изобразительном искусстве, в архитектуре. Вся строительная техника фригийских гробниц была связана с древнехеттской архитектурой; см. Y o u n g, ук. соч., стр. 387; D u n b a b i n, ук. соч., стр. 63; B i t t e l, ук. соч., стр. 83; B o s s e r t, ук. соч., стр. 23; G. H a n d m a n n, Prehistoria Sardis, «Studies presented to Robinson», I, 1957, стр. 160—175.

⁵² B u r n, ук. соч., стр. 155; B a r n e t t, Ancient Oriental influences..., стр. 220; G. E. B e a n, Aegean Turkey, L., 1966, стр. 103.

⁵³ Б. В. Фармаковский, Архаический период на Юге России, Пг., 1914, стр. 10; B a r n e t t, Ancient Oriental Influences..., стр. 218.

⁵⁴ B a r n e t t, JHS, 68, 1948, стр. 22.

⁵⁵ H u x l e y, ук. соч., стр. 111—112.

⁵⁶ B o s s e r t, ук. соч., рис. 796; A k u r g a l, Bayrakli, стр. 61; он же, Phrygische Kunst, Ankara, 1955, стр. 82—83; B a r n e t t, JHS, 68, 1948, стр. 14—17.

ские керамисты используют в своих росписях некоторые популярные фригийские орнаменты и мотивы. И на раннем этапе формирования ориентализирующего стиля фригийская вазапись, по-видимому, оказывала значительно большее влияние на греческую, чем наоборот ⁵⁷.

Воздействие фригийского и лидийского искусства сказывается и в ионийской скульптуре. Так, например, великолепные ионийские статуэтки из Эфеса имеют много негреческих черт. Высокий головной убор жрицы восходит к лидийской митре, куда он в свою очередь пришел из хетто-арамейского искусства (здесь можно указать на наскальный рельеф из Ивриза последней четверти VIII в. до н. э.). Точно так же способ трактовки тела в виде колонны или цилиндра чужд греческому искусству, и, по мнению Барнетта, его прототип уходит еще в глубокую древность, в искусство хеттов ⁵⁸.

Древнехеттские мотивы живут в искусстве восточноионийских центров значительно дольше, чем в Материковой Греции, что происходит в значительной степени благодаря посредничеству Фригии и Лидии.

В последнее время все настойчивее поднимается вопрос о роли древнеиранского искусства в формировании ориентализирующего стиля восточноионийских городов ⁵⁹. Мускарелла вслед за Амандри полагает, что как раз иранское искусство было основным источником для восточноионийских центров ⁶⁰. Эта чрезвычайно интересная и, на наш взгляд, весьма перспективная гипотеза заслуживает всестороннего исследования. В данной статье у нас нет возможности останавливаться на этой проблеме подробно. Но все же хочется провести здесь некоторые сопоставления памятников восточноионийского искусства и древнего Ирана, близость которых друг к другу заставляет предполагать несомненную зависимость одного от другого. Например, можно сравнить протому грифона VII в. до н. э. из Зивийе и протому грифона первой четверти VII в. до н. э. из Милета ⁶¹ (рис. 1, а, б). Несомненное воздействие иранских мотивов ощущается в восточноионийской вазаписи, на что указывал уже Амандри.

Возможно даже, что некоторые элементы восходят к протоиранским образцам, например изображение птицы, сидящей на завитке растения или на каком-нибудь животном, как мы видим это на фрагменте сосуда II тыс. до н. э. из Луристана и на фрагментах родосско-ионийской тарелки третьей четверти VII в. до н. э. из Эфеса ⁶² (рис. 2, а, б). Нужно думать, что столь отдаленные по времени прототипы, очевидно, были восприняты греками не непосредственно, а через ряд промежуточных звеньев. Интересно, что в росписях сосудов керамических мастеров Материковой Греции мы не встречаем подобных мотивов. Очень близки даже по манере исполнения изображения пасущегося козла на чаше из Луристана и на родосско-ионийских сосудах ⁶³ (рис. 3, а, б). Можно сравнить также трактовку морды быка на ситуле VIII в. до н. э. из Луристана и на ойнохое из кургана Темир Гора ⁶⁴. Число этих примеров можно увеличить, но исчерпывающий их перечень не входит в нашу задачу; мы привели их, чтобы показать справедливость и необходимость постановки вопроса о роли иранского влияния на восточноионийское искусство. Однако в решении этих вопросов надо проявлять известную осторожность, так как знакомство с иранским искусством могло

⁵⁷ Там же, стр. 7—9; I n: S t r o m, Some Groups of Cycladic Vase-Painting from 7 cent. B. C., *Aeta Arch.* 33, 1—3, 1962, стр. 234; M. R i e m s c h n e i d e r, Phrygische und griechische Vasen in ihren Beziehungen zueinander, *«Wissen. Zeit. d. Un. Rostock»*, XVI, 1967, 7/8, стр. 496.

⁵⁸ B a r n e t t, *JHS*, 68, 1948, стр. 8, рис. 6; стр. 19.

⁵⁹ См. прим. 15.

⁶⁰ M u s c a r e l l a, *A Bronze Vase...*, стр. 46.

⁶¹ E. P o r a d a, *The Art of ancient Iran*, N. Y., 1965, табл. 38; A k u r g a l, *KA*, рис. 145.

⁶² *Art Iranien ancien*, Bruxelles, 1966, табл. 26; D. G. H o g a r t h, *Excavations at Ephesus*, L., 1908, табл. XLIX, 1a; P o r a d a, ук. соч., стр. 46.

⁶³ P. A m i e t, *Antiquités Iraniennes*, «Syria», XLV, 1968, стр. 260, рис. 11; Л. В. Копейкина, Росписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир Гора, *ВДИ*, 1972, № 1, стр. 147.

⁶⁴ Там же, стр. 154, прим. 46, рис. 46.

а

б

Рис. 1. а — Протома грифона из Зивитте; б — протома грифона из Милета

происходить и не только путем непосредственных контактов, но скорее всего при посредничестве других стран ⁶⁵.

Как осуществлялись связи восточноионийских центров с их восточными соседями, какими путями они воспринимали восточные влияния? Данбэбин, например, отрицает значение сухопутных и речных путей, которые с древности проходили по рекам Гермосу и Меандру и соединяли Смирну, Эфес и Милет с внутренними областями Малой Азии и Переднего Востока. Он считал, что для греков могли иметь сколь-нибудь серьезное значение только морские пути. Того же мнения придерживался и Акургал ⁶⁶.

Янг, много занимавшийся археологией Фригии и Лидии, в своей рецензии на книгу Данбэбина резко возражал против его точки зрения. Он считал, что у Фригии несомненно тоже был свой выход к морю ⁶⁷. По его мнению, Гордион потому и имел такое большое значение, что был, видимо, непосредственно связан с морским побережьем. Возможно, что фригийцы при этом пользовались старой военной хеттской дорогой или караванными путями, которые существовали еще в эпоху бронзы. Бен в свое время высказал по этому поводу более конкретное предположение. По его мнению, Кумы, Фокея и Смирна соперничали за право быть главными портами Фригии через долину Гермоса. Этой дорогой, вероятно, шли посвященные дары царя Мидаса, которые Геродот видел в Дельфах ⁶⁸. Точно так же Виснер, Бордман, Бирмингем счи-

⁶⁵ Muscarella, A Bronze Vase..., стр. 49; он же, Near Eastern Bronzes in the West, стр. 122.

⁶⁶ F. Schachermeyr, Agäis und Orient, Wien, 1967, стр. 26, карта 7; Dunbabin, ук. соч., стр. 62; Akurgal, КА, стр. 178; он же, Orient und Okzident, стр. 202.

⁶⁷ Young, ук. соч., стр. 386.

⁶⁸ Vign, ук. соч., стр. 181.

Рис. 2. а — Фрагмент прото-иранского сосуда II тыс. до н. э.

б — фрагменты родосско-новийской тарелки из Эфеса

a

б

Рис. 3. а — Прорисовка изображения козла на чаше из Луристана; б — изображение пасущегося козла на родосско-ионийской ойнохое из Темир Горы

тают возможным существование дорог, соединявших города побережья с внутренними районами Малой и Передней Азии⁶⁹.

Виснер, Барнетт и Янг предполагают также существование северо-восточного пути, проходившего вдоль южного побережья Черного моря, а частью, может быть и непосредственно по Черному морю, — по этому пути преимущественно и осуществлялись связи с Урарту, Иранским плоскогорьем и Эламом. Правда, береговая полоса Юго-Восточного Причерноморья почти полностью изолирована от малоазийского

⁶⁹ J. Wiesner, Zur orientalisierenden Periode der Mittelmeerkulturen, AA, 1942, стр. 454; J. Boardman, The Cretan Collection in Oxford, Oxf., 1961, стр. 149; Birmingham, ук. соч., стр. 192.

материка высокой и труднопроходимой горной цепью, что и заставляет некоторых исследователей высказывать сомнения в эффективности такого пути. Однако, как известно, в районе Амиса, где горная цепь снижается и образует удобный проход, издавна существовала торговая дорога, соединяющая черноморское побережье с внутренними областями Малой Азии. Эта дорога удерживала значение важного торгового пути на протяжении многих столетий и могла, в частности, быть составной частью большого северо-восточного пути ⁷⁰.

Восточноионийские, так же как и материковые, центры пользовались южным морским путем, о чем свидетельствуют связи с Кипром ⁷¹. Однако, очевидно, решающее значение для проникновения восточных элементов в искусство восточнотрехских центров имел северо-восточный путь и внутренние дороги. Во второй половине VIII в. — первой половине VII в. до н. э., в момент, когда на территории Малой Азии происходят бурные исторические события, бесконечные перемещения племен и народов, в момент киммерийского нашествия греческие города на малоазиатском побережье были отрезаны от своих восточных соседей и непосредственные культурные контакты с Востоком на некоторое время прерываются. Это, очевидно, и стало причиной того, что основной поток восточной информации в это время проникал в Грецию по южному морскому пути ⁷².

Процесс отхода от геометрической традиции в искусстве восточной Ионии начинается, вероятно, где-то в самом начале VII в. до н. э. ⁷³ Но развитие его не могло протекать так же быстро, как в материковом искусстве. В первой половине VII в. до н. э. ионийцы были вынуждены воспринимать восточные сюжеты и орнаментальные мотивы главным образом через посредничество искусства Материковой Греции. Именно в этот момент возрастает культурное влияние материкового искусства на восточноионийские центры. И, по-видимому, это-то временное явление создает у некоторых исследователей иллюзию того, что ориентализирующий стиль в Восточной Ионии формировался и развивался главным образом при посредничестве Материковой Греции.!

С середины VII в. до н. э. связи между ионийскими греками и восточными районами вновь налаживаются. В течение всей второй половины VII—VI вв. экономический и культурный обмен между ними постоянно возрастает, о чем свидетельствует повышение процента ионийской продукции, и прежде всего керамики на восточных рынках. Ионийцы теперь захватывают инициативу в торговле с Востоком. Это видно по значительному увеличению родосско-ионийской керамики в Аль-Мине, по находкам ее в Сардах, в греческих пунктах на палестинском побережье ⁷⁴. Ионийцы теперь сами пытаются проникнуть на Восток и с целью изучения его предпринимали далекие путешествия. Фалес совершает путешествие в Египет, Анаксимандр изучал астрономию и историю восточных народов в Вавилоне ⁷⁵.

Не нужно забывать, что кроме тех контактов с восточными государствами, о которых шла речь выше, в культуре восточноионийских греков уже и до рассмотренного нами периода была заложена достаточно глубокая основа восточной традиции, о чем свидетельствуют прежде всего эпос и религия ионийцев. Греческие переселенцы на малоазиатском побережье неизбежно столкнулись и должны были хотя бы частично воспринять традиции древнеанатолийской культуры, религиозные и культурные

⁷⁰ В a r n e t t, *Ancient Oriental Influences...*, стр. 227—229; М. И. М а к с и м о в а, О выходе хеттов на южный берег Черного моря, ВДИ, 1948, № 4, стр. 32.

⁷¹ R o e b u c k, ук. соч., стр. 55.

⁷² D u n b a b i n, ук. соч., стр. 68; В a r n e t t, *Ancient Oriental Influences...*, стр. 228.

⁷³ Об этом свидетельствует появление на рубеже VIII—VII вв. до н. э. новых сюжетов и форм орнаментов в росписи сосудов Самоса, Эфеса и Милета; см. W a l t e r, *Frühe samische Gefässe*, стр. 47; К а г д а г а, ук. соч., рис. 12—15, 31; Н а н ф м а н н, *Ionia, Leader or Follower*, стр. 14, рис. 3.

⁷⁴ В о а r d m a n, *The Greeks Overseas*, стр. 72; Н а н ф м а н н, *Sardis und Lydien*, рис. 7, 8; Н а н ф м а н н, *BASOR*, 157, 1960, стр. 30, рис. 15; I. Н а в е h, *Mesad Hasshar yahu*, *IEJ*, 12, 1962, № 2, табл. 10, 11.

⁷⁵ А к у r g a l, *Orient und Okzident*, стр. 204.

обычай местного, догреческого населения, которые в свою очередь содержали множество черт древневосточной культуры⁷⁶. В Милете, как известно, очень долго сохраняются элементы карийской культуры. В архаических слоях Милета найдены остатки зданий карийского типа, карийские украшения. Культурные и религиозные традиции карийцев продолжают долго жить и в других центрах Восточной Греции⁷⁷, что не могло не оказать известного влияния на развитие культуры этих областей.

Таким образом, ориентализирующий стиль в восточноионийских центрах складывался под воздействием многих факторов: здесь немаловажную роль играли давние связи с древневосточной традицией и особенности взаимоотношений восточноионийских греков с восточными соседями.

В заключение хочется задать вопрос, поставленный в заглавии известной статьи Ханфмана: чем же являлась Иония для Греции в архаический период — «лидером или последователем»⁷⁸? Очевидно, на этот вопрос не может быть дан односложный ответ, ибо мы видим, что как раз на этом раннем этапе Восточная Иония переживает очень трудный, противоречивый период в своем развитии. Но все же тот «золотой запас», который был создан ионийскими художниками архаического времени, оказал, несомненно, огромное влияние на последующее развитие искусства всей Греции.

Л. В. Копейкина

THE ORIENTALISING STYLE: THE CONDITIONS AND CHARACTERISTICS OF ITS FORMATION IN EAST IONIAN GREECE

by L. V. Kopeikina

The author analyses the interaction of Greek and oriental art at the moment when the orientalisng style was taking shape; the sources of oriental influence which contributed to the formation of that style; and the ways by which knowledge of the East came to Greece, with particular reference to the role of the East Ionian centres in the transmission of that knowledge. When one compares the development of mainland with East Ionian Greece at the turn of the 8th and 7th centuries one cannot avoid the conclusion that at that time Ionia was by no means in a leading position. On the contrary, in respect to art Ionia was then in many ways dependent on mainland Greece. This was not the channel through which oriental influence spread as was thought earlier. The orientalisng style appeared in Ionia only towards the middle of the 7th century. This temporary lag behind mainland Greece is explained by the complexity of the relations between the East Ionians and their eastern neighbours just at the early formative stage of the orientalisng style. For as in mainland Greece, so in eastern Ionia the decisive role in the formation of this style was played by direct contacts with oriental culture and oriental states. For the East Ionian centres Phrygia and Lydia were then most important dissemination points of oriental tradition in art. The influence of Iranian art is also strongly felt, transmitted mainly through other states, and the oriental traditions embedded in the culture of the local pre-Greek population played a definite role.

⁷⁶ R o e b u s k, ук соч., стр. 43. О значении хеттского наследия в культуре населения малоазийского побережья см. H a n f m a n n, Archaeology in Homeric Asia Minor, стр. 154.

⁷⁷ E. K l e i n e r, Alt Milet, Wiesbaden, 1966, стр. 21, 24; J. M. C o o k, Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor, САИ, гл. XXXVIII (1961), стр. 22—23.

⁷⁸ H a n f m a n n, Ionia, Leader or Follower.